

МИХАИЛ БЫЛЫХ

*О чём шепчутся
травы*

СТИХИ

Михаил Былых
О чем шепчутся травы

Издательский дом «Сказочная дорога»

2012

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Былых М. М.

О чем шепчутся травы / М. М. Былых — Издательский дом
«Сказочная дорога», 2012

ISBN 978-5-4329-0020-3

Былых Михаил Михайлович родился в 1935 году в селе Новая Заимка Тюменской области. Был рабочим на предприятиях Урала, а после окончания Свердловского юридического института работал судьёй в судах различных уровней Архангельской и Московской областей. В настоящее время судья в отставке, проживает в Подмосковье. Автор сборников стихов «Закаты», «Когда твой век дымится за спиной...». Его стихи публиковались в литературных журналах и альманахах. В новую книгу поэта вошли стихи, посвящённые трагической судьбе русского крестьянства в XX веке. Пронзительные строки о Родине и русской природе, о судьбе многострадальной Отчизны в веке ушедшем и нынешнем напоминают нам об истинных корнях наших («Мы все из российской глубинки...»). Не городу с его высотками и асфальтированными улицами, а земле нашей русской, хлебопашцам её посвящены лучшие стихи поэта.

УДК 82-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-4329-0020-3

© Былых М. М., 2012
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2012

Содержание

Откуда приходят стихи	6
Белый май	10
«Из детских открытий Господнего мира...»	10
1941 год	11
«Я кустарь-одиночка...»	12
«Мы все из российской глубинки...»	13
России	14
Безъязыкий	16
Дым в горсти	17
«Запоздалым волчком, невесомо...»	18
«Ты бежала по вешнему лугу...»	19
Осень	20
В том краю	21
«Мой прадед, современник Льва Толстого...»	22
Вариации	23
Альбинос	24
«Тихо кричат в заводи чирки...»	25
«Нет ни послуху, ни слуху...»	26
Старый дом	27
«Из множества дорог одна прямая...»	28
Безымянка	29
Белый май	30
«Няндомы, Мезень, Двина, Онега...»	31
Заимка	32
Кержак	33
Исход	35
«Под птичий свист, что льют апрели...»	36
«То ветер в окно или совесть стучится...»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Былых М.М.

О чём шепчутся травы

© Былых М.М., 2012

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2012

Откуда приходят стихи

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали все благие
Как собеседника на пир.*

Ф. Тютчев

Мой век был краток. Задержавшись с родами, он яро вспыхнул и до срока сторел, оставив, как метеор в небе, дымный хвост ностальгии об утраченном для одних, и злопыхательства для выскочивших на авансцену.

Я не принадлежу ни к тем, ни к другим. Но век-то мой! Появившись на свет до официального провозглашения социализма в затерявшемся в зауральских далях селе, я застал отголоски предыдущего века, в свою очередь оболганного сменившим его. Моё первое ощущение земного бытия и первые воспоминания связаны с домом крестьянина средней руки. Сибирского крестьянина и сибирского дома.

Здесь необходимы пояснения.

Рубились в Сибири, как правило, дома крестовые¹ и пятистенные, в один или в два этажа. Крестовым назывался дом с двумя перекрещивающимися внутренними капитальными стенами. На первом этаже кухня, горница и запроходная горенка, но иногда просто кладовка. На втором этаже две горницы и горенка. Одна четвертушка дома шла под сени и лестницу на второй этаж. Крыша дома имела четыре ската, поэтому его ещё называют круглым. Широкие, далеко выступающие за сруб карнизы делают дом похожим на гриб – двухэтажный на подосиновик, а одноэтажный на приземистый боровик. Отсюда – «дома-грибы» и «круглый дом».

Скот содержался вдали от дома, в загоне со стайкой (хлевом), одной или несколькими. Пятистенки ставились и под двускатную крышу, но таких, по крайней мере в старой части нашего села, было наперечёт.

Наш дом разменял вторую сотню лет и на три венца врос в землю, но не покосился и гордо высился двумя этажами, бережно сохранив резные карнизы и ставни. Надёжна была и крыша из драной доски в два ряда. Но хозяйство уже порушилось. Рушил его сам хозяин, мой дед Михаил. Порушил и сбежал, навсегда потерявшись где-то в Осетии и оставив мою бабушку Марию Ивановну с кучей малолетних ребятишек на руках. Это и спасло семью от раскулачивания и коллективизации. Кулачить было нечего, а на обобществление осталась одна малышня. И мудрая бабушка ни разу не помянула своего мужа худым словом. Не опустел, как другие, наш дом. К моему времени от его былой красы сохранились баня, завалившийся амбар, отдельные звенья бревенчатого заплота, остатки крытого двора и величественные с резным карнизом ворота с калиткой. Дом и ворота немо свидетельствовали в пользу сбежавшего хозяина. Скупы у меня о деде и его корнях сведения, но не случайно же и не ветром занесло на чердак дома найденную мной под домашним хламом кремнёвую пицаль начала покорения Сибири.

Родители бабушки, мой прадед Иван Михайлович и прабабка Ефимья Осиповна Удальцовы, происходили из тобольских казаков и жили в станице Суерской, по сибирским меркам рядом – в пятидесяти верстах.

Что представляло из себя к 1916 году западносибирское крестьянство, возделывавшее вольные чернозёмы, занимавшееся охотой, таёжным сбором и рыбной ловлей в реках и озёрах обширного, сурового, но отзывчивого на труд края? Средняки составляли 80 %, имея от трех

¹ «Словарь редко употребляемых слов» см. на стр. 174.

до пяти рабочих лошадей, вдвойне крупного рогатого скота, стадо овец и без счёта птицы. 13 % – так называемые кулаки. Они имели до десяти и более рабочих лошадей. Не отделились ещё от отца взрослые сыновья с семьями, и хозяйство автоматически подпадало под признаки кулацкого. 7 % бедняков набиралось из горьких пропойц и новых переселенцев из Центральной России, ещё не успевших обрасти добром.

Что лукавить, их дразнили: «Ты Расея-долгошея, по три пуговики на шее». Сибирские мужики носили косоворотки с двумя пуговицами на вороте, полагая, что их шея толще.

Крестьяне были не просто грамотны, они следили за агрономическими достижениями, приобретали современную сельхозтехнику: жатки, косилки, молотилки, веялки. Именно эта сельхозтехника составила основу первых МТС. Работала кооперация, заработал Транссиб, и кормила Западная Сибирь маслом и хлебом чуть ли не всю Европу. В иных деревнях хранился в скирдах трёхлетний запас хлеба.

Однако вернёмся в дедов дом. Хозяйкой в нём была бабушка. Она занимала горницу на первом этаже, остальное – в моём распоряжении. А дом оказался сказочным, наподобие сказок бабкиных, и повсюду имел потайки. Мои открытия следовали одно за другим. Вот чернильный прибор из уральского камня, там – подсвечники каслинского литья. Лампа, пузатая-препузатая, с двумя круглыми фитилями и чудесными колёсиками, с дужкой для подвески к потолку, но уже без стекла. Бабушка говорит, что это двадцатипятилинейка. Ух, и не выговорить даже! Сейчас у нас лампа малюсенькая, с красным кошачьим язычком.

Сугревна и ласкова бабушкина русская печь, но сколько замечательных выюшек у изразцовой печи второго этажа! Начищенные до золотого сияния, они пускают по тёсаным стенам весёлых зайчиков. Задорно подмигивает мне огонь в поддувальном оконце печной дверки, но вскоре его закроют второй дверцей и затянут винтом.

Давно нет тех домов, того лада, и деревня истаивает вешним льдом. Вздымаются за облака человеческие муравейники, открылась из космоса голубой сказкой Земля, но я не уверен, что замена патриархального уклада компьютерной паутиной, телевизионным разбоем и освобождением от пут морали является победой Добра над Злом в их извечном противостоянии.

Из года в год, а каждый детский год – эпоха, ширятся мои открытия. Я обнаружу огромный, с треногою, фотоаппарат и аккуратно упакованные пластинки фотонегативов, и впервые в обратном освещении увижу былую красоту своего села: ещё живую церковь, вознёсшую кресты в небо, базарную площадь с тьмою подвод и людей, и дома, дома, которых почему-то поубавилось. Отыщется и альбом с фотографиями, и я не смогу признать в девушке, стоящей с подружками в праздничном, как и они, платье, свою бабушку. О, как они хороши, как красивы!

Позднее мама, спросясь, на минутку наденет это, достанное из-под семи замков платье, и я не узнаю родной матери! Вот она, своя из своих, но как преобразила её пропахшая нафталином, с кружевной отделкой, тряпица, пошитая в талию и широким подолом метущая пол! И не тронет моего сердца перед входом на ВДНХ бабища Веры Мухиной.

Немало схронок ещё открывал мне старый дом, но самым большим и во многом определившим мою жизнь, вылепившим во мне человека, было открытие домашней библиотеки. Находилась она на втором этаже за занавешенной дверью запроходной и самой маленькой комнаты.

Я не знаю, каким чудом, какими усилиями, какой изворотливостью бабушке удалось сохранить библиотеку. Быть может, пограбили другие дома (улицы двухэтажных и огромных одноэтажных потерявших хозяев домов), а через бабкину малышню, через бабкину уже нищету не переступили.

Не сразу передо мной распахнулась таинственная дверь, а как к шести годам научен был беглому чтению. Ни звука не проронил я о находке ни стороннему человеку, ни приятелям.

Непростое время было. Над семьёй предгрозовой тучей висела тень двух бабушкиных братьев, причастных к Тобольскому (Ишимскому) крестьянскому восстанию 1921 года. Власть памятлива, ткнула она меня носом в моё происхождение в 1965 году, спустя четыре десятилетия, когда и могил-то искать негде было и некому, и сам факт крупнейшего в советской истории крестьянского восстания замолчан, закрыт на замок – амбарный.

Немудрящая библиотека. Она состояла из книг сытинского издания, не имевших обложек. Были (откуда и как?!) в эти беспортошные книжки вкраплены ещё Данте, Апулей, Бокаччо, «Правила хорошего тона», что-то ещё, чего я не упомянул. И были подшивки «Нивы» с её литературным приложением. Предо мною открылся божественный мир слова. Моя мама, с пятнадцатилетнего возраста преподававшая русский язык и литературу в сельской школе, пыталась систематизировать моё чтение, но чаще я без компаса пускался в бурное плавание, пока меня не выживали и не подвигали к труду.

К труду нас, довоенную малышню, понуждали и крестьянская традиция, и война, взвалившая всю тыловую неподъёмную тяжесть работы и жизни на баб. Каждый сопляк старался быть мужиком, да и вынужден был им быть. В «Закатах» я одним мазком коснулся этого. Крестьянскую науку мы прошли по полной программе, и я не считал, как не считаю и сейчас, за геройство то, что к пятнадцати годам мог крестьянствовать, класть печи, плотничать и много ещё чего.

Сполна познали мы голод, безотцовщину и нищету (моя мечта о сапогах сбылась с призывом в армию), но детство остаётся в памяти подобным рассвету, сулящему ясный и радостный день.

Не эта ли война да стремительное насильственное раскрестьянивание страны подкосили титульную нацию и предопределили обрушение некогда великой державы? Но как XX век вырвать из цепи предшествующих, уводящих к другой грандиозной трагедии – церковному расколу? Кстати вспомнить прозрения Н.Я. Данилевского о судьбах цивилизаций и пожалеть, что золотой осени нам не досталось.

Из деревни уехал сразу после школы, до достижения совершеннолетия, не один я – весь выпускной класс.

Манили обратные дали,
Колхозный толкал недород.
О, как же мы дружно сигали
За паспортной крепю заплот!

И мы города без оглядки
Локтями раздвинули вширь.
Вдогон, наступая на пятки,
Стелился Отчизны пустырь.

Первое стихотворение написал в одиннадцать лет. Писал и в юности, но жизненные обстоятельства сложились так, что после в течение почти полувека не зарифмовал и пары строк, хотя литературу любил и, как мог, отслеживал новинки поэзии и прозы.

Отойдя от дел служебных, общественных и крупных домашних, в марте или апреле 2003 года на шестьдесят девятом году жизни решил заглянуть в юношеский архивчик. И пережитое ранее, и нынешнее осмысление минувшего века, и днешнее – всё как-то неожиданно выплеснулось словом, легло в размер и зарифмовалось.

Из дальней дали пришли за мною стихи.

Михаил Былых

Белый май

«Из детских открытий Господнего мира...»

Из детских открытий Господнего мира,
Из маминых сказок на сон,
С берёзки, во поле маячащей сиром,
Из бора, таящего звон,
С пробитой копытцем журчливой криницы,
Из песен и плачей как стон –
Слетают ко мне дивноперые птицы
Утраченных нами времён.

На пень отшумевшего древа присяду,
Они – в полукруг на пеньки.
Орлу и пичуге по чину и ладу
Из сердца дам корма с руки.
Они мне споют, что нашли-потеряли,
Как пили из вечной реки.
И светлыми будут в напевах печали,
А думы о прошлом легки.

1941 год

Два суть ручья – Ольховка с Безымянкой –
На деревенский выскочили круг,
Померялись мелодией с тальянкой
И, обнявшись, умолкли речкой Ук.

Лягушки в той не знали укороту,
Хотя исток был до обиды мал –
Любой петух, не прибегая к лёту,
Через реку подругу настигал.

Ещё вчера по насту пели сани,
Сегодня яр открыл нам с высоты,
Как Ук, резвясь, переставляет бани,
Как он крушит в неистовстве мосты.

И мать меня рукою прижимала,
Чтоб не отдать мальчика шальной волне.
А бабка всё крестилась и шептала:
– К войне вода, родимые, к войне.

«Я кустарь-одиночка...»

Я кустарь-одиночка,
Без нужды, навсегда.
Строчка лепится к строчке,
А к годам лишь года.

Я давно бы забросил
Это всё ремесло,
Но небесная просинь
Мне легла под крыло.

Дни и вёрсты листая
И крича вразной,
Журавлиная стая
Позвала за собой.

Порыдаем, мол, вместе
На осенний очёс –
Туча туч в поднебесье
Неисплаканных слёз.

Я прибился бы, птицы,
К вашей жали веков,
Но достало синицы
Мне из Божьих силков.

«Мы все из российской глубинки...»

Мы все из российской глубинки —
Кто волей могучей страны,
Кто зовом обманной тропинки,
Кто эхом Великой войны.

Манили обратные дали,
Колхозный толкал недород.
О, как же мы дружно сигали
За паспортной крепи заплот!

И мы города без оглядки
Локтями раздвинули вширь.
Вдогон, наступая на пятки,
Стелился отчизны пустырь.

Тот век, обдувая пылинки,
Храню в очарованном сне,
И кто-то со старой пластинки
Поёт о счастливой стране.

России

Из голубой озёрной колыбели
Ты разлилась на полматерика
В заброшенные дали-параллели,
Оставленные Богом на пока.

Пусть тяжелы нетучные суслоны
И проголосна песенная жаль —
Чисты церквушек утренние звоны,
Светла твоя равнинная печаль.

Но грозен бой нежданного набата,
Страшны пожарищ горькие дымы,
И ворог шёл с мечом, и брат на брата,
И все тебя зорили до сумы.

Всего лишь искру жизни в чаше ржавой
В непроходимых дебрях затая,
Ты поднималась заново державой,
Казалось бы, из тьмы небытия.

Рубились грады, и роились веси,
И в радостном сиянье куполов
Мир воскресал, по-прежнему чудесен,
Коль Бог дарил и труд, и хлеб, и кров.

Рождала ты подвижников великих
И мудрых и заботливых царей,
А в немощи – правителей безликих,
И в помраченье тяжком – лопарей.

Звалась Святой, но в святость узки двери,
Широк проход к лукавому с вершой.
Ты, соблазнясь, не устояла в Вере
И оказалась с вынутой душой.

Отвергнув прочь в гордыне Божью милость,
Увязла в словоблудии и лжи.
Себе самой другою ты приснилась
И кровью истекла за миражи.

Ни ратный подвиг во спасенье мира,
Ни подвигов космических парад
Не оправдают выбора кумиров
И тьмы утрат, увы, не возместят.

Обрушив вновь державные основы,
На тот же Запад мчишься, как с горы,
Где для тебя давным-давно готовы
Духовной инквизиции костры.

Я не корю – ты мати мне родная.
Но коль разъята в клочья связь времён,
Ты, выжившая, будешь уж иная,
Нам о себе оставив только сон:

Младёшенька, в кокошнике старинном,
С небесным взором и зарёй ланит,
Взметнёшь меня к груди, и по равнинам
Седой ковыль веков прошелестит.

Безъязыкий

В проломы стен ушли из церкви лики
И затерялись в буйстве бузины,
А колокол всё виснул, безъязыкий,
Клонясь на все четыре стороны.

Быть может, в ком он отзывался болью,
Но не во мне. Ослушник и пострел,
Таясь людей, я лез на колокольню
Узнать, о чём он синим ветрам пел.

Знобящий страх, дуван, немые гуды –
Не разгадал я медную главу.
Лишь через годы, беды и остуды
Увижу в ней себя как наяву.

Во временах завис я безъязыким:
Поруганного прошлого налёт,
Отторгнутого нынешнего блики,
И непогодь грядущего сечёт.

Дым в горсти

Мы двигались уверенно к восходу,
И было нам в ту пору невдогад,
Что угодим невдолге на закат
И попадём как кур в ошип и воду.

Не мне искать, кто не разведал броду
И кто там прав, и кто тут виноват.
Я оптимист от маковки до пят
И не готов к печальному исходу.

Трясу мощной, где время взаперти, —
Увы, пуста, и мига не найти.
И заплутал я заодно с тропюю.

А мир торит, но не мои пути.
Бегу вослед и жизнь ловлю рукою —
Ан только дым, бывшего дым в горсти.

«Запоздалым волчком, невесомо...»

Запоздалым волчком, невесомо
Я пророс из крестьянской избы,
Из великой беды перелома,
От пенька отшумевшей судьбы.

И пускай баламутному веку
Я был пасынком – чужд и немил, —
Горстку счастья и горестей реку
Я с Отчизною честно испил,

И до спазмы, хватающей в горле,
Уберёг, полюбил, как ни кинь,
Журавлиные цепки на взгорье
Деревень, улетающих в синь.

И пустынные эти просёлки,
Где ты с Богом один на один,
Только стругами дальние колки
Проплывают в безбрежье равнин.

Эти зимы, от века глухие,
Белым звоном залитые всклень,
Где стыдливо берёзки нагие
Убегают под хвойную сень.

Русь – и радость, и боль, и кручина:
Буреломная наша судьба.
Для меня ты, как матери для сына,
Навсегда молода и любя.

«Ты бежала по вешнему лугу...»

Вере

Ты бежала по вешнему лугу
Вдоль поющей о счастье реки,
И ромашки склонялись упруго,
А по платью вились васильки.

Ты бежала из утренней дали,
Из моей сокровенной мечты,
И под сенью ресниц расцветали
Голубые, как небо, цветы.

Мир в ту пору был радостно юным,
А дороги беспечно легки,
И цикады по солнечным струнам
Упоённо гоняли смычки.

...Покачнётся ли жизни основа
Или гибнешь в объятьях тщеты,
И бегут укрепить из бывшего
Луг ромашковый, речка и ты.

Осень

Время лисицею рыжей
Лес обежало и дол,
Птичьими цепками крыжит
Блекнущий неба подол.

Тлеющий уголь по рябине,
Ныне чаруя дрозда,
Вспыхнет весной на чужбине
Зовом родного гнезда.

Лета остатние струи
Кружат, свиваясь в кольцо,
То, приласкавшись, целуют
Мне напоследок лицо.

В горькой чреде расставаний
Теплится вера сберечь
Будущность жданных свиданий
И неожиданных встреч.

Осень, красу доживанья,
Мне б не вспугнуть невзначай.
– Осень, – шепчу, – до свиданья.
Ветер рыдает: – Прощай!

В том краю

Всё-то в том краю неповторимо –
Солнца шар оранжев поутру,
Росы трав горят неопалимо,
Ветер дремлет даже на юру.

Притулясь к решетчатому тыну,
Там лопочет старая ветла.
С нею сросся я до сердцевины,
Как и жизнь, корявого ствола.

Птахи льют с вершины капли-звоны,
Синь полощет кружево ветвей.
Там, в проёме двери отворённой,
Мамин лик в косынке до бровей.

Я беспечно бросил всё, и ныне
Дом почил, подворье заросло,
Только ворон хохлится на тыне,
А ветлу обрушило дупло.

Мне б сквозь годы в этот край пробиться,
Чтоб вернуть, чего не уберёт, —
Не берут под небо в стаю птицы,
А наземных в детство нет дорог.

«Мой прадед, современник Льва Толстого...»

Мой прадед, современник Льва Толстого,
Орал поля не с блажи – из нужды,
Но графа чтит он как отца родного
За светлый ум и знал его труды.

Что их роднило – пахаря и графа?
Глубинный взгляд на мир и суть войны?
Конечно, не посконная рубаха,
Скорее поиск Бога и вины.

Свои пути у них, свои Голгофы,
Но даже смерть, как знак, в единый год
В преддверии российской катастрофы
Какой-то смысл зловещий обретёт.

Достались мне жесточе власть и вера.
В толстовский мир из правды и добра
Моя тропа легла от «Холстомера»,
Из детских лет и вот до серебра.

На краткий век как беды три эпохи,
И что несёт последняя? – ни зги.
Дела в Поляне, может, и неплохи,
Коль наш язык прорвётся из туги.

Вариации

Ласкает ветер листву дерев рукою,
И гладит мать головку малыша.
Мальчонка нюни тянет не спеша,
А тени туч, скользя, шуршат травой.

Любовно гладит ветер листву дерев,
И дремлют липы под его рукою.
Осина лишь не ведает покою
И жалуется ветру, поседев.

Ерошит мать головку малыша,
А взгляд бежит вверх куда-то в дали.
Гнетут её, наверное, печали,
И тихо страждет светлая душа.

Мальш канючит под нос не спеша,
Ему коня игрушечного надо.
И знают оба – женщина и чадо, —
Что ноет зря, что денег – ни гроша.

А тени туч скользят, травой шурша,
Берёзам ветер расчёсывает кроны,
И женщина застыла отрешённо,
Прижав к бедру головку малыша.

Альбинос

Множиться чтобы и длиться,
Купно растут деревья,
В стадо сбиваются птицы,
Встав на крыло соднова.

Серые хищники в стае
Делят добычу и пост,
Но одиноком пролистает
Дни свои волк-альбинос.

Меряют времени вёрсты
Тьмы человеческих ног.
Вон промелькнул белошёрстный,
Он и в толпе одинок.

«Тихо кричат в заводи чирки...»

Тихо кричат в заводи чирки,
И, раздув закат в небесной свили,
Уронил над садом ветер крылья,
Чуть тревожа белые верхи.

От соцветий облетает прах,
Медленно спускается по кругу,
И на вздох я чувствую упруго,
Как густеет запахов распах.

И в душе, глухой от жизни вскачь,
Прорастают, слышны еле-еле, —
Этот листьев безмятежный шелест,
Этот дальний полусонный крич.

«Нет ни послуху, ни слуху...»

Нет ни послуху, ни слуху
О луне среди светил.
Даже месяца краюху
Чёрт на звёзды искрошил.

Темень напрочь зализала
На тропе ко мне следы.
Было б горюшка в том мало,
Если б не было беды.

То не ревность сердце точит,
То нашёптывает мгла,
Что тропиночка короче
Другу милому легла.

Я найду луну-дурёху,
На полнеба разожгу.
На соперницу рассоху
Наведу печаль-тугу.

Пусть толчёт, как воду в ступе, —
Не убудет от воды.
На тропиночке проступят
Снова долюшки следы.

Старый дом

Не для гульбы был прадедами ставлен
Крестовый ладный двухэтажный дом,
С резьбою по карнизам и по ставням,
С амбарами, под крышею двором,
Но чтоб жилось в трудах и вере справней,
Чтоб и моим он стал потом гнездом.

Прожекты предков оказались плохи.
Хозяев смысл эпохи новой вал,
Оставив дому шорохи и вздохи.
Дом оседал и гулко тосковал.
От прежней жизни уберёг он крохи:
Библиотечки сытинской развал.

И в этих чудных книжках без обложек,
Читавшихся подряд и впопыхах,
Воображенье детское тревожа,
Переплетались и восторг и страх,
Кидало в жар, мороз бежал по коже,
И люди жили словно нараспах.

Двадцатый век сгорел, отдав другому
Перерешать российскую беду.
Мой дом раскатан, я готовлюсь к слому,
Но прошлому выплачивая мзду,
В тревожных снах брожу, брожу по дому,
А половицы стонут как в бреду.

«Из множества дорог одна прямая...»

Из множества дорог одна прямая –
Дорожка на последний перевоз,
Где, прах людской бесменно охраняя,
Растут кресты под пологом берёз.

Переплелись дерев и предков корни
В родной земле за долгие года,
А души ждут пред входом в мир тот горний
Пришествия Второго и Суда.

И нам бы так, готовясь к упокою,
Не нарушать завещанный устав,
Но век шальной сорвал с ветвей листвою
И закружил, по свету разметав.

На голом месте, как наступят сроки,
Себя забывших, нас зароят в ряд,
И в скопище мы будем одиноки –
Все души прочь, к истокам, улетят.

Вон та душа, с волны срывая гребень,
Кричит надрывно чайкою седой –
Былой погост давно отправлен в небыль
Безумно затворённую водой.

Как много неприкаянных стенает
Над милою растерзанной страной!
Всего лишь шаг, шажок, и купина их
Ещё моей пополнится одной.

Безымянка

До горизонта ни куста, ни колка,
Лишь звон цикад да свистнет где сурок,
То из-под ног метнётся перепёлка,
И режет мне под речку поле лог.

Я глыбь ищу, спеша от переката, –
Воркует он обманные слова,
Здесь рыбы нет, стрекают лишь малята,
Да мельтешит придонная трава.

Река не удостоилась названья,
А в омутной бездонной темноте
Мне блазнится уж бездна мирозданья,
Исконно равнодушная к тщете.

И я смущён картиною случайной,
Но вновь и вновь, чаруя и маня,
Из глубины невысказанной тайной
Вода глядит как будто сквозь меня.

Белый май

Сошлись, слились, как в сказке, явь и небыль:
И облаков в заливы намело,
И не понять, где сад в цвету, где небо, –
И сине всё, и всё белым-бело.

Сады, леса, поляны ошалели
От звона, щёлка, посвиста певцов,
И соловьёв классические трели
Переплелись с эстрадою скворцов.

В стремительном порыве пробужденья
Легко себя надеждой опьянить,
Что и тебя волною обновленья
Он увлечёт, продляя жизни нить.

Не обманись! Уж в горние пределы
Душа зовёт от суетности дел.
Но предо мной разлив черёмух белый,
И взгляд к земле навеки прикипел.

«Няндомы, Мезень, Двина, Онега...»

Няндомы, Мезень, Двина, Онега –
Чудно леп повенчанный глагол!
Россыпями говоров и снега
Высветлен архангельский подол.

Коноша, Шалакуша и Моша,
И озёрный шелест камыша.
Шебаршит шуга, пушит пороша,
И метели стелются, шурша.

По пригоркам разбежались веси.
Рубленные в обло – высь низка –
Храмы, изукрасив поднебесье,
На кресты подняли облака.

Сутки ткут архангелогородки
Вечерами летними из дня.
Потому и ночи так коротки,
Но звенит повсюду ребятня.

Ветер там в седых волнах гнездится,
Он хмелён и лёгок, как буза.
Сиверик дубит поморам лица,
А шелоник голубит глаза.

Я почти из тех же мест и брашен,
Где есть всё, опричь краёв-концов, —
Предки шли за Камень с этих пашен,
И мой пращур звался – Удальцов.

Заимка

У ручья в бору кондовом,
Отложив пальбу,
Взял охотничек бедовый
И срубил избу.

Та избушка-перезимка
На краю земли
Стала Новою Заимкой,
Как леса свели.

Притекал народ из дали,
Оседал вокруг,
И ручей рекой прозвали:
Лягушатник – Ук.

Коренясь на взгорке малом,
Шли дома-грибы,
И село перемогало
Выверты судьбы.

Пережило даже страсти,
Как до тьмы с утра
Рвали храм и трос на части
С рёвом трактора.

Только стало как-то ниже,
Распластавшись ниц.
Много я потом увижу
Деревень без лиц.

Пусть с высот столичных плоско
И мало село,
Мне по самую ту доску
В сердце залегло.

Кержак

В слепой тайге да на реке студёной
Попал рыбак в оплошку и беду –
На камень сел и скарб свой немудрёный
На дно пустил к досаде и стыду.

На берег влез, кляня судьбу такую, —
На сотню вёрст нет признаков жилья,
У ног река, свивая, гонит струи,
Над головой меж сосен мчит своя.

И вспомнилось – на слухи бабы падки, —
С десяток лет тому назад кержак
Ушёл в тайгу, избу срубил в распадке,
Живёт в глуши отмирной как чужак.

В пустыню он бежал с чумного пира
От скопища, погрязшего в страстях,
Чтоб за чертою гибнущего мира
Вернуть себя молитвою в постах.

Погибель зрима, время лишь сокрыто,
Но и оно летит под сосен гул.
Без выбора попыток не убыток,
Перекрестясь, в тайгу мужик шагнул.

Всевышний не оставил горемыку,
Наткнулся тот в распадке на избу,
И принят был он старцем, поелику
Мы купны днесь, а розны уж в гробу.

Отшельничек ни валко и ни шатко
Помог в лодчонке течи запереть,
Снабдил харчом с таёжного достатка,
С избытков тощих выделил и сеть.

Изжал слезу из глаз приречный ветер,
И бьёт рыбак поклоны, голос – крик:
– Что хошь проси! За то, что ты приветил,
Доставлю всё!

– Добро, – сказал старик, —

Когда в аду гореть я буду, грешный,
Не позабудь своих обетных слов,
Не пожалей, прошу тебя, сердешный,
В кострище мне бросать поболее дров.

Исход

Днём ли лазурным иль ночью,
Право, не грезилось мне:
Время разорвано в клочья,
Гибнет прогресс на Земле.

Вольты, амперы, кулоны –
Мёртвый истории груз.
Встали в цепях электроны,
Минус потерян и плюс.

Смрадная урбоволчица
Дух испустила на нет.
Люд обезумевший мчится
Пеши за крысами вслед.

Мчит в позабытые веси,
Падает, мрёт на бегу.
Словно во всём поднебесье
Гонит предзимник шугу.

Мчится по зною, по стыни,
Мчится и ночи, и день,
Только в безбрежной пустыне
Нет никаких деревень.

Дел-то всего: остояться,
Выкинуть лишек ума,
С полем, сохой побрататься,
В обло срубить терема.

Тщетно взывает земляца:
Предков бытёе навсегда
В памяти стёрто, и мчится
Люд городской в никуда.

«Под птичий свист, что льют апрели...»

М. Авакумовой

Под птичий свист, что льют апрели,
Играя с шуткой в поддавки,
Пожать с приветом лапу ели
Я обходил близ дач лески.

И вот она. Как для парада,
Строга, стройна и высока.
Защитный цвет её наряда
Однажды дан – и на века.

А где-то там, под сетью хвои,
Души заветный самоцвет
И космос свой, но в те покои
Гостям случайным хода нет.

Я лапу жму – не кинет взгляда,
Как будто я не тать, так плут.
А по-над нами синь-прохлада,
И гуси-лебеди плывут...

«То ветер в окно или совесть стучится...»

То ветер в окно или совесть стучится –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.